

СБОРНИК

ПОКОЛЕНИЕ А

ВЫПУСК 1

18+

Коллектив авторов
Поколение А. Выпуск 1

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Поколение А. Выпуск 1 / Коллектив авторов — «ИП Березина Г.Н.», 2020

ISBN 978-5-907306-77-6

В данный сборник вошли рассказы разных авторов, раскрывающих мир взаимоотношений: близких и чужих людей, хорошо друг другу знакомых и только встретившихся на пути. Где-то тонкий юмор, где-то ирония, шутка звучат в голосах авторов, повествующих историю своего персонажа. Все они написаны легко, в духе времени и будут интересны разной читательской аудитории.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-77-6

© Коллектив авторов, 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Предисловие	6
Галина Березина	7
Последняя шутка	8
Ольга Биченкова	13
Лев Толстой, папа, желтая тарелочка и красные сливы	14
Владимир Голубев	15
Гостинец для деда Мороза	16
Владимир Данилов	22
Счастье по имени месь	22
Глава 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Поколение А. Выпуск 1

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Предисловие

Литературному таланту нужно постоянно развиваться, раскрывая себя, осваивая новое. С другой стороны, нельзя оставаться в изоляции, ведь литература не может существовать без читателей.

Интернациональный Союз писателей действует по двум направлениям – обучение авторов литературному мастерству и дальнейшее продвижение их произведений. Проводятся мастер-классы и литературные курсы при информативной поддержке крупных российских и международных литературных организаций. Эта деятельность приносит свои плоды.

Многие из тех, кто сравнительно недавно изучал секреты творческого мастерства на наших курсах, получили известность как писатели, являются лауреатами и номинантами литературных премий и конкурсов. В этом сборнике, составленном по итогам одного из литературных курсов Интернационального Союза писателей, читатели смогут познакомиться с их произведениями, надо сказать очень разными.

Сборник полон неожиданностей и сюрпризов. После одного рассказа читатель, казалось бы, настроился на шуточный тон, но следующий наполнен уже совсем иным настроением, не иронизирует, а скорее обличает, обнажает самое неприглядное и неприятное – то, от чего литературе нельзя отворачиваться. Сказка «на новый лад», полная душевной теплоты, сменяется любовным, почти эротическим повествованием с ноткой насмешки, но готовым обернуться чем-то совсем иным. Раскручивается сложный и напряженный сюжет новеллы, а следом за ней запечатлевается картина житейских мелочей. Кто-то почти исповедуется, кто-то нарочито отдалается от того, о чем хочет рассказать. Разнообразие талантов, тем и голосов удивляет и радует.

Ведь что такое поколение А? Это поколение новых людей, пока еще совсем юных, но уже способных понять и воспринять если не все, то очень и очень многое. Рассмотреть мир деталь за деталью, а потом сложить из них новую картину.

Этот сборник – тоже картина, картина современной литературы, а через нее, конечно же, и жизни, без которой настоящего творчества нет.

Пора начать ее изучение.

Приятного прочтения!

Галина Березина

Родилась и выросла в городе Рыбинске Ярославской области, в семье рабочих. Окончила Рыбинский авиационный техникум по специальности «Авиационные двигатели». В течение долгого времени работала в бюро технического контроля на авиационном предприятии. С 2002 года занимаюсь индивидуальной предпринимательской деятельностью. Замужем. Двое детей. Мои произведения о любви, их герои – люди, попавшие в трудные жизненные ситуации. Надеюсь, мое творчество найдет отклик в сердцах читателей.

С любовью, Галина Березина.

Последняя шутка

Рассказ

Последние пятнадцать лет Сергей Дмитриевич жил в свое удовольствие, считая, что для этого у него есть все необходимое: отдельная квартира, стабильный доход, много друзей. В начале девяностых небольшой завод, где он работал электриком, держался на плаву, зарплату там не задерживали. Но в небольшом провинциальном городке за нарушение трудовой дисциплины оказаться за воротами предприятия было легче легкого. Потому в будние дни Сергей строго соблюдал «сухой закон». Однако начиная с вечера пятницы в его холостяцкой квартире царил сплошной праздник. Здесь собирались мужские компании. Приятели пили вино, пели под гитару, играли в карты, отдыхали от работы и семей.

Когда-то у Сергея тоже была семья. С будущей женой Антониной он познакомился много лет назад возле заводской проходной. Невысокая миловидная девушка примерно его возраста, обронив пропуск, пыталась разыскать документ в дебрях явно великоватой для нее сумки. Сергей поднял с земли пропажу и, пустив в ход обаяние, тут же назначил девушке свидание. Поблагодарив молодого человека приятной улыбкой, Тоня согласилась из вежливости. Парень был невысокого роста, щупловат, ничего примечательного в нем девушка не нашла. Пожалуй, лишь густые темно-русые волосы, спадавшие на лоб красивой волной. Но вечером Антонина несколько не пожалела, что согласилась на встречу. С новым знакомым было так интересно и весело, что она просто умирала со смеху. Сергей забавно рассказывал анекдоты, а девушка, не до конца понимая их смысл, хохотала от души. Несмотря на очевидные проблемы с чувством юмора, непонимание, сквозившее в ее наивных серых глазах, казалось Сергею очень милым. Вскоре молодые люди поженились.

Поначалу их жизнь складывалась хорошо. Тоне, всегда мечтавшей о дружной семье, казалось, что она нашла свое счастье. Жить с мужем было весело. Он так сыпал шутками, что женщина не всегда успевала добежать до туалета. Сережа подсмеивался над всеми: над женой, приятелями, дочерью брата – маленькой племянницей Танюшкой и даже над самим собой. Бреясь по утрам возле зеркала, он частенько бормотал: «Нос мой, нос, на двоих рос, а одному достался».

В праздники муж Тони был душой компании. Стоило ему появиться, как сразу звучали шутки и смех. Сергей мог поддержать любой разговор. При этом Тоня, сама мало что понимая из сказанного, в душе гордилась: какой умный у нее муж. За столом женщины старались сесть поближе к нему, ведь Сережа прекрасно пел под гитару.

Чаще всего по просьбам дам исполнялись романсы. «Гори, гори, моя звезда...» Звуки брякающей посуды стихали, головы поворачивались в сторону исполнителя. Женщины, околдованные красивым голосом, не сводили с его обладателя глаз. Ни крупные желтоватые зубы, ни глубоко посаженные глаза, прячущиеся за кустистыми бровями, не могли испортить впечатление об исполнителе. Антонина, слушавшая известный романс чаще, чем остальные, невольно замирала от волнения. Мужа она не ревновала. Своей звездой тот всегда называл ее. Подруги завидовали Тоне и ставили ее супруга в пример своим: «Смотри, Сергей пришел как человек и уходит человеком» Похвала была заслуженной, он и правда на людях умел держать себя в рамках.

Иногда случалось, вернувшись с женой из гостей, Сергей доставал из записки бутылку водки и продолжал праздник в одиночестве. Потом брал в руки гитару и сам для себя исполнял уже другие, немодные в то время «блатные» песни. Антонина называла их тюремными и удивлялась: откуда они взялись в репертуаре мужа, никогда не нарушавшего закон? Молодые

жили в стареньком деревянном доме одни, шуметь по ночам можно было сколько угодно. И, оставив супруга на кухне, Тоня отправлялась спать.

В центре внимания Сергей был и в чисто мужских компаниях. Приятели в один голос утверждали: при Серее надо быть настороже. Иначе попадешь к нему на острый язык или схлопочешь кличку, как, к примеру, Валентин. Однажды тот упал с велосипеда и лишился двух передних «женильных» зубов. С легкой Сереегиной руки к пострадавшему тут же приклеилось прозвище – Свистун. Уже и зубы были вставлены, и говорил Валентин, не высвистывая звуки, но кличка приклеилась намертво. Так же, как к Ивану. Мужчина, носивший самое русское имя, имел гордый орлиный профиль. Однажды он бросил в сторону Сергея подозрительный взгляд. Тот мгновенно окрестил приятеля – лицо кавказской подозрительности. Эти простые прозвища почему-то нравились окружающим и прилипали прочно.

Надо заметить, что среди мужчин Сергей чувствовал себя свободней. Рассказывая анекдоты, не нужно было заменять неприличные слова и выражения наиболее приемлемыми. Можно было сыграть в домино или перекинуться в картишки. Да и в спиртном не нужно было себя ограничивать. Иногда по выходным он оставлял жену и отправлялся навестить друзей, чтобы провести вечер в мужском обществе. Сергей называл это своим хобби. Правда, домой он возвращался поздно ночью еле живой. Но утром, проснувшись чуть свет и поправив здоровье бокалом крепкого чая, шутливым тоном задавал вопрос: «Жена, где мои парадные брюки?» И так же торжественно-шутливо сам себе отвечал: «Под кроватью!» Тоне становилось смешно, и она уже не могла сердиться на мужа. А тот, весело насвистывая, принимался приводить в порядок одежду и чистить обувь, убирая видимые следы своего хобби.

Вскоре у семейной пары родился первенец – Семен, гордость отца. А спустя пару лет на радость маме появилась на свет девочка Алина. С рождением детей Сергей стал отдаляться от семьи. По выходным он под любым предлогом старался уйти из дома. Чем больше Антонина требовала, чтобы муж проводил выходные с ней и детьми, тем сильнее он рвался на свободу, распить с друзьями бутылочку-другую. Бывали случаи, когда он, взяв ведра, отправлялся на колонку за водой, а возвращался глубокой ночью с пустыми руками, пьяный в стельку. Тоня удивлялась, как в таком состоянии он умудрился добраться до дома. Но у мужа на все был готов ответ: «Сапоги дорогу знают». Хобби мужа Антонина стала называть проще – пьянки.

Супругов по-прежнему приглашали в гости. Как и раньше, муж Тони держал себя в рамках и был в центре внимания, но, вернувшись домой, теперь каждый раз выставлял на стол записку. Его ночные песнопения пугали детей. Шуточная фраза, произнесенная субботним утром: «Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать?», больше не вызывала у Тони смеха. После выходных женщина появлялась на работе с заплаканными глазами. Сослуживцы знали про ее беду и пытались помочь советами. Что только не делала Тоня, чтобы отвести мужа от вина и друзей: уговаривала, плакала, подсыпала в еду порошки. Ходила к экстрасенсам. Не помогало ничего. Хобби Сергея отражалось на детях. Они стали нервными, плаксивыми и боялись пьяного отца. Постепенно выходные превратились для Тони в ад. Женщины с работы предложили ей припугнуть супруга разводом. Дескать, если любит тебя и детей, значит, побоятся потерять и бросит пить. И однажды Тоня поставила мужу жесткое условие: выбирай, я или вино. Тот оскорбился: любимая женщина пытается загнать его в угол. Ответ прозвучал мгновенно: «Вино».

Дальше все произошло очень быстро. Антонина, следуя советам коллег, подала на развод. Муж на суд не явился. Судья, невзирая на то, что у семейной пары двое детей, быстро развела супругов. От предприятия Тоне выделили комнату в коммуналке, и она, забрав Семена и Алину, переехала туда. Вскоре дом, где раньше жила семья, пошел под снос, и бывшему мужу выделили однокомнатную квартиру в новостройке. Первое время Тоня рассчитывала, что он образумится, предложит сойтись и снова жить вместе, но вскоре поняла: семья распалась окончательно. После почти десятилетнего брака Антонина стала «разведенкой».

Сергей считал, что жена его предала, и первое время очень переживал. Но потом наладил холостяцкий быт и зажил, как он выражался, «припиваючи». В компаниях бывшие супруги не встречались. В гости к своим родственникам покинутый муж теперь ходил один и по-прежнему никогда не напивался. Как всегда, он подшучивал над племянницей Танюшкой. Девочка подросла, стала очень стеснительной и до слез стыдилась детских фотографий. Находя их, Таня убегала в свою комнату и там прятала снимки в тайник. Почти каждый раз, сидя за столом в гостях у брата, Сергей, как фокусник, выуживал из кармана фотку и, наморщив лоб, задумчиво произносил: «Не могу понять, кто это». Он пускал по кругу снимок, на обратной стороне которого было написано: «Таня 1 год». Всякий раз это были довольно забавные детские фотографии: Танюшка на горшке, Танюшка в криво повязанном платке, Танюшка лежа на животе с голой попой. «Да ну тебя, дядя Сережа!» – вспыхивала девочка, выхватывала фотку и убегала в свою комнату прятать добычу. Потом весь вечер она делала вид, что сердится на дядю, а тот бросал насмешливые взгляды и корчил рожицы. Наконец девочка не выдерживала, к чаепитию усаживалась возле дяди Сережи и подкладывала ему самые вкусные конфетки.

Своих детей Сергей не навещал, не хотел встречаться с бывшей женой. Когда Алине вырезали аппендицит, он несколько раз приходил к дочери в больницу. Но как только девочка поправилась, в доме ее матери не появился. Ходили слухи, что Тоня пытается устроить свою жизнь. Алина приходила к отцу редко. С детства в ее душе поселился страх перед пьяными мужчинами, и она боялась папиной квартиры.

Семен иногда забегал. Обычно если не решалась задача. Отец, едва заглянув в учебник, тут же выдавал правильный ответ. При этом не забывая щелкнуть сына по носу: «Эх, ты, академик!»

Сергей понимал: его дети растут без отца, но винил в этом Антонину.

Однако холостяцкая жизнь имела и свои преимущества: брошенный муж получил свободу. С пятницы по воскресенье в квартире Сергея собирались компании. Трезвенников здесь не было. С вином лучше пелось, и даже играть в шахматы было интересней подшофе. Хотя мужчины предпочитали домино и карты. Ставки в игре были невелики. За весь вечер победитель, кому везло больше других, мог выиграть сумму, которой хватило бы разве что на бутылку водки. Зато проигравшего ждали шутки и насмешки хозяина квартиры. Тем более что в выигрыше чаще всего оказывался именно он. Все выходные в веселой квартире, что называется, стоял дым коромыслом. Соседи редко делали хозяину замечания. Во-первых, все они раньше жили на одной улице и считали друг друга почти родственниками. Во-вторых, тот был электриком, кому лампочку ввернет, кому розетку починит. А главное – уж больно хорошо он пел.

У Сергея периодически появлялись женщины, но ненадолго. Пока не озвучивали желание узаконить отношения и прописаться в квартире.

Развеселая жизнь его продолжалась довольно долго и закончилась внезапно. Вдруг стала сильно болеть левая нога. Мужчина обратился к врачу и удивился, когда услышал диагноз. Серьезное заболевание сердца. Требуется операция. Ногу придется ампутировать.

Из больницы он вернулся в свою квартиру. Повзрослевшие к тому времени дети предлагали отцу перебраться к ним. Но Семен с женой и двумя детьми жил в однокомнатной квартире. А Алина недавно вышла замуж и родила дочь. Да и не хотел Сергей никуда переезжать, ему были нужны родные стены. И время, чтобы свыкнуться с новым статусом инвалида.

Теперь он сидел возле окна, горстями глотал таблетки и тосковал по прежней жизни. Дети взяли на себя заботу об отце, покупали лекарства, продукты. А однажды пришла Антонина. С этим мужчиной она прожила много лет, родила от него двоих детей и сейчас, испытывая жгучую потребность помочь, предложила купить инвалидную коляску. Тот в ответ зло рассмеялся: «Давай, давай, покупай! Я буду на ней в соревнованиях участвовать». На сей раз Тоня поняла: бывший муж ее просто высмеял, и оставила попытки наладить с ним отношения.

Друзья не забывали Сергея. Они пытались подбодрить его и заводили разговоры про протез, приводя в пример известного летчика. Но это только раздражало инвалида. Люди видели одного человека и не могли понять, что причина этого – больное сердце. Не нужно иметь медицинского образования, чтобы догадаться: такой диагноз и алкоголь несовместимы. И все же хобби одержало верх над разумом. Постепенно жизнь Сергея стала возвращаться в прежнее русло. Ходить на работу теперь было не нужно, круг знакомых расширился, и гости навевались почти каждый день. Мужчины приносили вино, щедро угощали хозяина квартиры. Если потом тот не мог добраться до кровати, несли на руках. Заботливо укладывали в постель и на всякий случай спрашивали: «Сергея, еще налить?» Ответить тот не мог, но рот открывал.

Хобби отца вновь отражалось на детях. Им приходилось не только ухаживать за инвалидом, но и убирать квартиру после его гостей. Сын пытался отобрать ключи, однако это ни к чему не привело. Видимо, у кого-то из друзей был дубликат.

Все закончилось разом. Однажды Семен обнаружил отца мертвым. «Ты только не пугайся, – сообщая плохую новость сестре, рассказывал он, – у отца все лицо разбито. Но не думай, его никто не бил. Квартира была заперта на ключ изнутри. Отец трезвый был. Я милицию вызывал и скорую. Сказали, умер от сердечного приступа, а лицо разбито, потому что упал головой на газовую плиту. Его в морг увезли».

Началась подготовка к похоронам, процедура неприятная во все времена. В те годы в провинциальных городах не было агентов по оказанию ритуальных услуг. Все обязанности родственникам и друзьям приходилось делить между собой. В морге старушка сурового вида предупредила Алину: «Ваш безногий, но имейте в виду, приносите два ботинка и два носка. На том свете он будет ходить на двух ногах».

Все было сделано как положено. В морг отправлена одежда, заказаны катафалк и автобус. А еще оркестр, чтобы сыграл для отца в последний раз, возле дома. Ведь усопший так любил музыку.

Наступил тягостный день. Похороны были назначены на вечер пятницы. Ехать в морг за телом умершего вызвались два его приятеля. Гроб привезли к подъезду. Дочь, увидев в знакомой одежде покойника, зарыдала. Семен, скользя по гробу взглядом, отвел в сторону заблестевшие глаза. В толпе раздался женский шепот:

- Сергей-то на себя не похож!
- Лицо разбито, не узнать совсем.
- Да это и не он!

К женским голосам тут же примешался грубый мужской:

- Закрой рот, дура! На тебя поглядим, какая будешь в гробу лежать.

Спорщиков заглушил оркестр. При первых его звуках дочь схватилась за сердце, сын закрыл глаза платком. Едва умолкла музыка, налетел сильный ветер, хлынул дождь. Друзья и родственники поспешили в автобус. Процессия двинулась в сторону кладбища. В старом катафалке стоял противный сладковатый запах, и Алина, придя в себя, подумала: «Скорей бы все закончилось».

На кладбище с гроба снова сняли крышку, чтобы проститься с усопшим. Алина взглянула на брата. Возле него стояла соседка отца и что-то шептала на ухо. Семен внимательно слушал и хмурил брови. Затем он кивнул головой, и женщина решительно откинула покрывало с ног покойника. Алину едва успели подхватить под руки. В гробу, в одежде отца лежал умерший человек такого же возраста, роста и комплекции, с разбитым лицом и поцарапанными руками. Но это был не он. У покойника не было правой ноги. Воспользовавшись заминкой, водитель катафалка прыгнул в свою машину и уехал. Свою работу он выполнил, рабочий день окончен. Мужчины, посоветовавшись, подняли гроб и стали затаскивать его в салон автобуса, невзирая на протесты водителя. Тот пытался объяснить, что он возит живых людей и не имеет права

перевозить покойников, но его никто не слушал. Водитель оказался бессилён перед толпой решительно настроенных мужиков и с обречённым видом сел за баранку.

Приехали к моргу. Вечером пятницы найти там хотя бы дежурную санитарку, оказалось непросто. Наконец с трудом разыскали все ту же суровую бабку. Выслушав незваных гостей, та попыталась связаться с начальством, но безрезультатно. Решив взять ответственность на себя, бабуля открыла дверь в помещение морга, но предупредила: «Всех не пущу, только двоих. Идите, ищите своего». Иван и Валентин метнулись внутрь, но через некоторое время вернулись назад и развели руками: Сереги там нет. Люди замерли в растерянности. «Это что?» – кто-то наблюдательный кивнул в сторону вагончика, запёртого на висячий замок. Оказалось, там лежат криминальные трупы. «Открывай!» – потребовали мужики у дежурной. У той не оказалось ключа. Кто-то поднял с земли камень, чтобы сбить замок, но бабка закрыла вагончик своим телом: «Не позволю!» Она сделала очередную попытку разыскать начальство – и опять впустую. Вечером пятницы найти кого-то было невозможно. Зато нашёлся ключ. Те же два приятеля опять нырнули в хранилище трупов. Напряжение повисло в воздухе. Дочь безостановочно рыдала. Сын беспомощно сжимал и разжимал кулаки, не в силах достать сигарету, пока кто-то из родственников не протянул свою, прикуренную. «Нашли!» – донеслось из вагона.

Дальше все происходило как в кошмарном сне. На траве, возле морга мужчины голыми руками снимали одежду с одного покойника и тут же натягивали на другого. На белье красовались ужасные трупные пятна, и стоял невыносимый сладковатый запах. Затем гроб опять засунули в автобус, и несчастный водитель повез всех на кладбище. Рабочий день могильщиков закончился, они разошлись по домам, но оставили возле могилы лопату и веревки. Посоветовавшись, в какую сторону головой должен лежать покойник, общими усилиями мужчины опустили гроб в могилу и соорудили холмик.

С кладбища ехали молча. Хорошо, что поминки были организованы в квартире усопшего, в кафе отпущенное время давно бы истекло. Но и рассевшись за столы, люди не могли оправиться от шока. Ни у кого не хватало сил встать и произнести траурную речь. Поднялась Татьяна, племянница Сергея. Она мягко улыбнулась и негромко сказала: «Знаете, мне кажется, что Сергей Дмитриевич опять над нами подшутил». И выпила до дна, как положено на поминках. Остальные последовали ее примеру, и напряжение понемногу стало спадать.

Утром Семен и Алина приехали на кладбище проведать отца. Ярко светило солнце, и вечерашние события уже не казались таким кошмаром. Они помянули папу, посоветовались между собой и решили не предъявлять никому претензий. Судиться, раз за разом пересказывать и заново проживать день похорон ни у кого из них не хватит сил. Пусть это и правда останется в памяти как последняя шутка отца.

Тем не менее в маленьком городе слухи распространились быстро. Этот случай не остался незамеченным. Поговаривали, что в морге кого-то наказали. То ли премии лишили, то ли выговор объявили. Что это было: разгильдяйство, халатность, безответственность? А может, просто у виновных было такое же хобби, как у Сергея.

Ольга Биченкова

*О себе данных не даю. Моя проза отчасти автобиографична, а отчасти – плод вымысла.
К моим стихам у меня с шестнадцати лет выбран эпитафия из Ходасевича:*

*Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.*

*Засим все. С неизменным уважением к коллегам по цеху и читателям,
Ольга Евгеньевна Биченкова, кандидат ИСП*

Лев Толстой, папа, желтая тарелочка и красные сливы

Мой отец старался воспитать нас в толстовском духе. Возможно, так он выражал свой протест против современной ему советской жизни. Каждый божий день он зачитывал нам по семь глав «Евангелия от Льва» и какой-нибудь безобразный детский рассказ Льва Толстого. Мама плакала, но спорить с папашей было бесполезно. Как и Лев Николаевич, он был человеком упертым.

Однажды, в мае месяце или начале июня он принес штук тридцать мелких, ужасно спелых красных слив. «Это алыча», – радостно закричала Марьяна. Мы видели ее по только что купленному цветному, еще плохо передававшему цвета телевизору в передаче про Грузию или Армению – короче, я не помню деталей, но там фигурировало побережье Черного моря.

– Одесса, Одесса, мой солнечный город...

– Черное море, Черное море, – запели мы с Вовкой на два голоса. Мы уже были в поселке Лазурном в Имеретинской бухте, а маленькая моя полутезка – еще нет.

Я посмотрела на маму и увидела, что у нее очень странное выражение лица, тоскливое какое-то. Это предвещало скандал и пьянство отца.

– Вот я выложу шесть слив на желтую тарелку. И никто не смей их трогать до моего прихода. Приду – всем раздам. До встречи.

Он напялил кепку как всегда набок и вышел, закуривая уже в дверях. Мама тихо что-то прошептала, потом сквозь зубы всхлипнула:

– Маша, Вовочка, Мария, можно я покурю тоже?

– Он что, до сих пор тебе запрещает?

– А что он со сливами задумал?

– Мама, он опять нажрется?

– Вова, говорят «пьющий», а не то, что ты сказал, – проронила тихо мама.

– Жрущий водку алкаш, – убежденно сказала я.

– Я вас подготовлю к сегодняшней сцене. Пошли, львеныша читать будем.

И прочла нам знаменитый рассказ про шесть слив. Сливы и дети там описаны роскошно, живо, подробно. А мораль мерзкая. Ложь, конечно, грешна, но как можно купить кило слив и не дать ребенку съесть ни одной просто даром, без подсказок, столь ненавистных умным детям?..

Мы были потрясены.

– Мама, я съем сливу сейчас. А то он замучит, – прервал молчание Вовка.

– А я съем тоже. Две.

– Давайте все сливы съедим, весь килограмм!!! – прозвенела Марьяна и первая засмеялась.

– Машка, гони за мороженым. У меня как раз шестьдесят шесть копеек осталось, он денег не дает.

Мне хватило на три порции желтого фруктового мороженого и граненый стакан лимонада из автомата газировки за три копейки. У меня ладонь была потом липкая, а под средним пальцем был след от кругло-медной трехкопеечной монеты.

И мы оставили сливы – ровно пятую часть – ему, а остальное съели с мороженым.

Придя с работы, отец избил мать и надавал всем пощечин. Порка досталась мне, так как мы должны были, по его мнению, оставить ему мороженое.

Владимир Голубев

Владимир Голубев работает в жанре детско-юношеской литературы, пишет сказки, сказочные повести, в которых фантастический сюжет сплетается с житейской правдой. Обучался на курсах в 2014–2015 гг., подготовлен к публикации роман «Взрослое лето», представляющий интерес как для юношества, так и для взрослых.

Проживает в Подмоскowie, преподаватель, кандидат юридических наук, ветеран правоохранительных органов.

Гостинец для деда Мороза (новогодняя быль)

Я бросил взгляд на будильник и ахнул: стрелки показывали за полночь, а я еще и не ложился спать, а вставать мне рано. Щелкнул выключателем на кухне и в темноте побрел по квартире. Жена в детской возилась с близнецами, а в большой комнате уже сопел старший сын, не выпуская из рук книжку с картинками. Мне ничего не оставалось, как только незаметно прошмыгнуть в спальню и, накрывшись одеялом с головой, погрузиться в сон.

Утром я пробудился еще до сигнала будильника и первым делом отключил звонок.

– Мне пора собираться в дорогу, – сказал я шепотом, целуя спящую жену.

– Будь осторожен, помни, мы тебя ждем, – промолвила спросонья супруга.

В темноте я нащупал ногами тапочки и, перепутав левый с правым, на цыпочках пошлепал на кухню. На скорую руку согрел чайник, умылся и, набив портфель кипой документов, вышел в подъезд.

Поеживаясь, я вывалился на холод из теплого нутра подъезда. Брелок, свисток, огонек... Замки щелкнули, и, заглянув на секунду в промерзшее за ночь чрево автомашины, я завел мотор и вынырнул наружу. Оказалось, под бледными звездами гораздо теплее. Декабрьская ночь в свете фонарей досыпала отведенный срок, но где-то за соседним шестнадцатиэтажным корпусом уже серел рассвет нового дня, но я еще не видел его, но был уверен в том, что он уже теплится вовсю над сквером и Варшавским шоссе. А припорошенная снегом Москва вовсю просыпалась, при этом – шипела, гудела, горела, блестела.

Пока тархтел движок, подумалось, а может, пока не поздно, позвонить шефу и, сославшись на эпидемию гриппа, вернуться в душную спальню, к жене, к милым детям и посвятить эти два-три дня предновогодним хлопотам, а не трястись одному в машине девятьсот верст, по северным дорогам? Но у меня на руках была повестка из великоустюжского суда, с синей печатью и подписью судьи, и мне надо было ехать во что бы то ни стало, тем более от меня зависела судьба других людей.

– Надо завязывать с этой работой! Все надоело! – громко сказал я сам себе, и проходящая за моей спиной хозяйка лопоухого чихуахуа подтянула поводком малышку поближе к ноге.

Тем временем салон наконец-то прогрелся, и авто понесло меня через Садовое кольцо, на Ярославку. Пробок еще не было, да и спасало то, что я пробирался к выезду из мегаполиса, а главный поток сломя голову рвался навстречу мне, слепя глаза встречным водителям, вклиниваясь в несчастный город, будто желая забить его до самых небес. Ну вот, в пути миновал первый час, и я наконец-то на трассе и теперь, чертыхаясь, поминаю Мытищи, затем поворот на Королев, эх, скорей бы Пушкино, а там уже рукой подать и до Сергиева Посада с объездной и новой трассой. Там я собирался перекусить, чтобы потом без долгих остановок ехать до самого Великого Устюга.

Еще час – и я в дорожной кафешке, среди пыльных стен, с обязательными китайскими натюрмортами, блестящими и слащавыми. Официантка, позевывая от скуки и пряча белые кудри под косынку, разговорилась с ранним посетителем:

– Куда едете-то прямо под праздник?

– Не поверите, куда меня занесло, – ответил я, невольно улыбнувшись, как мне показалось, улыбкой дошкольника, заметившего в прихожей квартиры Деда Мороза, стряхивающего снег с сапог, да еще с красным мешком в руках. – В Великий Устюг, только жалко, один, без детишек.

– С детьми в такую даль на машине? Да там, небось, морозы, под сорок! – запричитала добрая женщина. – Сколько малюток осталось дома?

– Трое, двое совсем маленькие. А морозы не знаю как под сорок, а вот под тридцать верно, – уточнил я.

Она помолчала и добавила:

– Везет же, едете прямо в сказочный край. Я сама оттуда родом, из деревни Морозовица. Да вот вышла замуж – и пришлось уехать. Теперь вот без мужа, с двумя детьми, и вся родня, почитай, за тыщу километров от меня.

Сам я уже допил чай. Она пожелала мне счастливой дороги, как, наверно, тысячам водителей и пассажиров, ежедневно спешащих куда-то. Помогли ли им эти искренние слова в дальнем плаванье по бесконечной асфальтовой реке, текущей к Ледовитому океану, для меня тайна, но искренне надеюсь на подмогу...

Я в последний раз согласился на дальнюю командировку. Но не потому, что мой шеф, облачающийся по выходным в передник и поварской колпак, чтобы выставлять в социальные сети какие-то фотографии с приготовленными блюдами, сослал меня за Можай. Просто я в очередной раз хотел срубить денег и навсегда завязать с такими выездами и больше не оставлять семью. Но жена неожиданно поддержала меня, сказав за ужином:

– Съезди, я обойдусь без тебя, а сам отвлекись от работы, только не забудь про подарки, а то я знаю, ты можешь! Пофоткай город и чудесную природу, терем Деда Мороза. Не забудь тепло одеться, там, наверно, зима настоящая, а не здешняя.

И вот я еду, неспешно размышляю о том о сем: работа, дела, семья, та-ак, торможу и опять – семья, дела, работа. Вокруг дороги леса, поля, занесенные снегом деревни и поселки. Вот уже скоро Ярославль встретит рекламой и дымящими трубами, надо бы выйти размяться. Проехали. Дальше Вологда, последний из бастионов цивилизации. Доехал по приличной дороге. Остановился. Похлебал щей. За бортом минус тридцать. Ухожу направо по белой дороге. Лес. Снег. Сумерки.

Перед Тотьмой вижу, вроде на обочине голосует дедок в тулупе, но какой-то крайне неприметный. Пока думал, проскочил, стало как-то не по себе, покрутился на сиденье, но разворачиваться не стал и жму дальше. Опять леса и снега, встречные фары режут глаза, мысли бегут впереди капота, боясь угодить под колеса. Все как обычно: как там жена, дети, а работа, и какое блюдо приготовит шеф на Новый год, если ему привезли пару домашних гусей? Глаз не сжову с дороги, только вперед. От надвинувшихся вплотную к обочине замерзших лесов веет первобытным страхом.

Мчу дальше на северо-восток. Всего-то на несколько минут приподнял покрывало розовый закат – и вновь серое небо. Уже не думается, глаза слипаются, хочется просто раствориться среди гущи этих темных перелесков и снегов. Встречные машины все реже радуют глаз желтыми огнями. Вот так встань с полонкой, а за бортом минус тридцать пять, что тебя ожидает, даже страшно себе представить.

Смотрю, а на обочине вроде опять пенек в тулупе поднимает руку. Что за напасть? Глюки? Не успеваю остановиться. Пролетаю, но резко торможу. Джип заметался по всему полотну, от кювета до кювета, стрекоча электронными цикадами, со страха вылететь с дороги отпускаю тормоз, и машина, облегченно вздохнув, рвется вперед, как ни в чем не бывало. А спина мокрая, и от адреналина трясутся руки. Продышался, пришел в себя минут через десять, где теперь тот бедный попутчик, а был ли он, может, просто показалось?

Надо потерпеть. Впереди Великий Устюг, теплая гостиница, а потом привычная работа, а еще меня дожидается Дед Мороз и возвращение домой. И больше никаких командировок, только Москва! На горизонте засветились встречные машины, наверно, уже недалеко город. Смотрю, в свете фар, кажется, опять стоит, тот самый, в треухе и в тулупе. Притормаживаю, в этот раз заранее. Остановился, из-за капота никого не вижу, опускаю стекло, а там снег и темнота, кричу:

– Кто здесь? Подходите, я подвезу!

Глушь, мороз и снежинки, если бы не рокот двигателя, было тихо, как в ледяной пустыне. Выхожу. Потемки. Снег скрипит под ногами, ледяной воздух обжигает легкие, а у пассажирской двери стоит ребенок или дедок, мал-мала, и старательно, стуча ногой об ногу, стряхивает снег с валенок.

– Здорово, молодец! – бодро говорит путник. – Давай пособилай деду, а то сам не залезу в твою телегу!

– Здравствуйте! Конечно, помогу!

Я открыл дверь и посадил попутчика. Сел на нагретое сиденье, пристегнулся ремнем. В салоне запахло морозной свежестью от заснеженных полей и промерзших лесов.

– Ну что, едем или день потерял? – спросил я и краем глаза глянул на деда, снявшего холщовые рукавицы и расправляющего бороду на груди.

– Подожди, милоч, нам еще надо прихватить с собой кой-чего.

– Не понял?

– Ты думаешь, я зря тебя караулю, почитай от самой Вологды! Замерз как сосулька, стоя на тракте! А мне ведь надобно домой воротиться, почитай, до наступления Новолетья, как там, по-вашему, а, Нового года!

Мне показались ужасно любопытными слова странного дедка, но по московской привычке я ерничал:

– Ну а я-то здесь при чем, возвращайтесь, когда хотите.

– Не умничай, тебе не к лицу, – сухо ответил попутчик. – Быть по сему, не стану тебе попусту зубы заговаривать. Надобно нам захватить одни сани до деревеньки Морозовицы.

– Сани? Но у меня легковой автомобиль! А сани влезут в мою машину-то? Может, вам лучше остановить грузовик или «газель»?

– Ты, милоч, не сквернословь при деде-то. Да влезут санки-то, у тебя гляди, сколько места, жить можно. А оглобли, не бойсь, привяжут на крышу. Ну так трогай.

– А далеко до Устюга-то?

– Да нет, верст пятьдесят будет.

Конечно мне хотелось сказать «нет», высадить деда и ехать спокойно в город, где меня ждал сытный ужин и теплый ночлег. Зачем мне, московскому адвокату, какие-то сани, оглобли, какой-то фольклорный персонаж в тулупе и валенках, который якобы караулил меня от Вологды, но вопреки всем законам физики по воздуху обгонял меня. Я ехал в этот городишко среди лесов просто хорошо выполнить свою работу, получить за нее деньги и тихо вернуться в Москву.

Но фары двумя искрящимися дорожками упрямо светили в заснеженный лес, казавшийся сказочным. Я посмотрел на пассажира и представил, как он будет стоять на пустой обочине и голосовать редким машинам, и почему-то согласился.

– Куда ехать-то?

– Да туда, вон в тот перелесок, робятки ждут весь день-деньской, небось, озябли. А после на Устюг, не доезжая, есть деревня Морозовица, а там, на Пуховской пустоши, нас поджидают верные слуги Деда Мороза.

Мы проехали вперед метров триста и повернули направо. Дорога юркнула в лес и благополучно уткнулась в сугроб.

– Во, стой тут. И открой мне окно или дверь, а то я сам не управлюсь.

Я нажал на клавишу, и с шипением стекло опустилось. Попутчик выглянул и свистнул, да так, что холодок пробежал по спине. «Ну, все попал, развели меня как последнего лоха», – только и успел я подумать, как вокруг машины уже затрещали ветки и заскрипел снег.

Дед бесцеремонно толкнул меня в бок:

– Что расселся! Иди, пособи, а то тутошние жильцы отродясь такую телегу не зрели.

Я подчинился, на ходу застегивая молнию на куртке и проклиная себя за доброту. Вокруг меня, в полной темноте, лишь спереди подсвеченной фарами, суетилось с десятков шустрых мальцов, одетых в кургузые тулупы и в шапки-ушанки.

Мне было как-то тревожно, но я покорно открыл багажник и сложил задние сиденья. Кто-то за моей спиной неожиданно забасил:

– Берись дружно, ну-кась, на раз-два-три!

– И-и раз, два, три!

В салоне пришлось подхватить полозья, а мелкота, появляющаяся из потемок, запикивала сани с улицы. В лицо мне пахнуло холодком и свежеструганым деревом. В машину возок вошел тютелька в тютельку. Я хотел было уже закрыть дверцу, когда какой-то коротышка заскочил на бампер и, уцепившись за дверь, виртуозно запрыгнул на крышу машины.

– Ну ты и акробат! – с восхищением вырвалось у меня.

Тут из-под раскидистой ели мелюзга вытянула две длинные струганные палки толщиной в руку и подала вверх где лесной циркач ловко привязал их к багажнику.

– Затворяй и трогай! – скомандовал мой странный попутчик.

Я захлопнул дверь и махнул рукой на прощанье малышне, но они равнодушно отвернулись и юркнули под ель, словно я для них пустое место. Если бы не осыпавшийся с веток снег да натоптанные следы за землей, происходившее в эти минуты можно было принять за видение.

Очутившись вновь на водительском сиденье, я немного пришел в себя и, с трудом развернувшись, вернулся на трассу. Меня радовало, что я цел и невредим, машину не забрали и мы по-прежнему мчимся в сторону Великого Устюга. Путник умолк. В салоне пахло деревом и таявшим снегом. Радио не работало. Перед городом пассажир начал подавать признаки жизни – заерзал, борода торчком из-под воротника.

– Держись правее да не проморгай, заворот, скоро будем!

– А кому сани-то везем? – Напоследок я решил расспросить странного деда.

– Да, кому-кому, ясно дело, Деду Морозу. В том где-то возвращался он домой после прихода Новолетья, ну и в наших лесах разломал свой возок-то. Ведь, считай, милоч, в здешних краях-то северная глухомань начинается. Вот пришлось нам ладить ему новые, липовые.

– А кто на это деньги дал? Губернатор или нашлись спонсоры?

– Ты по-русски молви. Ничего не пойму.

– Кто заплатил за работу?

– Никто нам ничего не уплачивал, да мы и ни в жизнь не возьмем, с Морозки-то. Смастерили так, по своей исконной доброте. Вот еще прошлой зимой срубили медоносную липку, высушили, все и готово.

– Дедушка, да вы счастливчик, если не знаете, что такое деньги и губернаторы.

– Говорю, не бранись при мне, сынок.

– Не буду, это мне просто завидно.

Я умолк. Не доезжая города, мы повернули направо в сторону той самой деревни Морозовица. Кругом – темень и тишина. Едем по нечищенной дороге, сани скрипят на кочках, а оглобли вверху постукивают по крыше, когда я сильно разогнался, а потом на ухабах резко тормозил.

Вскоре мы выехали на пустырь, недалеко горели бледные огни деревни. По указанию попутчика я съехал ближе к берегу реки. Хлопнув в ладоши, дед закричал во все горло:

– Все, тормози, приехали. Вот речушка наша, сейчас подойдут робытки от Деда.

– Река Сухона? – спросил я, показывая на занесенный снегом лед.

– Нет, Юг, там чуть дальше будет стрелка, сольются потоки, и побежит дальше одна Сухона... Да выключи фары, они тебя небось страшатся.

– Кто боится-то, разбойники?

– Отколь в наших лесах грабители-то! Это верные товарищи Деда Мороза, давно почу-
ляли, да остерегаются человеческого рода.

– А что нас бояться-то?

– У всякого создания своя собственная жизнь-то.

Я почему-то согласился и кивнул, следом выключил фары. Мы оба глядели через лобовое
стекло на бескровную луну, дремавшую над черными берегами северной реки Юг.

– Страшно и пусто! – сорвалось у меня с языка.

– Боязно в Вологде дорогу переходить. – Я отвернулся, спрятав улыбку:

– Пойду пока сани достану.

– И то верно, хватит почем зря балакать. И настезь отвори мне окошко.

Я опустил стекло, повернувшись навстречу щиплющему морозу, а сосед вновь свистнул
в ночь. Накинув пуховик, я вышел на скрипучий снег. Тревога отступила. Сани легко вышли из
багажника, и мне оставалось только отвязывать оглобли. Снизу, со стороны реки, наконец-то
заскрипел снег, и послышались громкие шаги.

С опаской я косился на склон. Из-под берега в морозном тумане показались три белых
коня. Из-за темноты не выдалось хорошо их рассмотреть, но такие длинные белые гривы и
хвосты я видел впервые. Следом явился очередной коротышка в тулупе и два создания в чем-
то округло-белом, напоминающие снеговиков из московских дворов.

Учтиво поклонившись, они откатали сани в сторону и начали запрягать лошадей. Я
немного оторопел и догадался, что мой поклон тоже будет кстати. Придя немного в себя, я
вернулся в салон, чтобы не смущать «товарищей Деда Мороза». Да, от морозного воздуха у
меня кружилась голова.

– Ну, прощевайте, мне пора! – с грустинкой в голосе сказал мой попутчик.

– Прощайте, рад был встрече. А как вас зовут-то? Мы даже и не познакомились, вот меня
Андрей.

– Ну, а я Дед Годовик!

– Годовик? Подождите... тот самый, который выпускает волшебных птиц, что ли?

– Да, он самый, ну а теперь мне пора.

– Может, вас подвезти?

– Да, нет. Я легок на ногу, вот тока сани так не перекинешь за сотню верст, а для меня
самого плевое дело.

– Ну, понятно... – бубнил я вслед слезающему с сиденья спутнику, на самом деле ничего
не смысла в происходящем.

– Ты, милоч, никому про нас-то не сказывай, тем паче на службе, а то разом вылетишь
из стряпчих-то. Засмеют, мол, веришь в сказочного Деда Мороза.

– Да я не пропаду.

– Ну, гляди сам, только, скажи на милость, чем станешь кормить своих деток? А вот,
ребятне поведай эту быличку, они-то все верно поймут.

– Непременно, такое надо всю жизнь помнить.

Дед отошел, и я хотел уже закрыть дверь за ним и ехать, но он возвратился и положил
на сиденье сверток из бересты.

– Как же, совсем запамятовал: вот тебе гостинчик от Деда Мороза. Ты ведь пахал-то,
почитай, как печорская лошадь.

– Спасибо, не надо. Я и так с вами надышался настоящего воздуха! Жить-то теперь как
охота!

– Вот и весьма здорово. Доброго пути, внучек! – попрощался Дед Годовик и, подняв
лохматый воротник, направился к странной компании.

Я развернулся. Снеговики тем временем надевали хомут на коренника, а малыш в
тулупе привязывал постромками покорно стоящих пристяжных. Легкий ветерок развевал

белые гривы сказочных коней, и в свете фар снежинки блестели по-московски неоновыми огнями.

Пустошь я оставил с грустью и с ощущением опустошения. Не радовало и то, что уже через полчаса я очутился в Великом Устюге. Меня дожидался забронированный по Интернету номер в гостинице и основательный ужин. Поболтав по скайпу с родными, я провалился с головой в темную яму безмятежного сна...

Пробудился я утром – звонил будильник, быстро, по давнишней привычке, я отключил звонок, чтобы не разбудить жену и детей. Сев на кровать, несколько минут я не мог сообразить, где нахожусь, в Москве или в Великом Устюге? Неужели все, что происходило вчера, оказалось только чудным сном? А как же Дед Годовик и сани, снеговики с лесовиками? Наверно, все мне приснилось, подумал я, и мне стало как-то не по себе. Но надо вставать.

– Мне пора собираться в дорогу, – сказал я шепотом, целуя жену.

– Будь осторожен, помни, мы тебя ждем, – промолвила спросонья супруга.

В темноте я нащупал ногами тапочки и, перепутав левый с правым, на цыпочках пошлепал на кухню. Выходя из спальни, я зевнул и краем глаза успел приметить на столике странный сверток из бересты.

Владимир Данилов

Счастье по имени месь

Рассказ

Глава 1

Наша история, короткая и в чем-то поучительная, случилась аккурат тридцать первого мая, за день до первого летнего полнолуния. Места и дали, где отметились по ходу дела наши

герои, не столь существенны, ибо все самое важное и интересное произошло в одном из живописнейших мест Москвы: недалеко от Строгинского залива, в той самой Строгинской пойме, которую оккупировали любители голого отдыха, так называемые нудисты. Пока правительство Москвы строило и лелеяло планы по спроваживанию куда-нибудь с глаз подальше «голышей» – как стеснительно называли натуралистов некоторые члены правительства в публичных выступлениях, эти донельзя обнаженные люди весь конец жаркого мая проводили на природе, подставляя под лучи совершенно толерантного солнца спины, животы и... все остальные части тела.

Хотелось бы предостеречь моего дорогого читателя, дабы он не обманулся юморным, а может, где и ветреным тоном, да и стилем автора. История, о которой я хочу рассказать, трагическая, жесткая и кровавая. А столь странная манера изложения ее, возможно, связана с желанием автора дать самому себе отсрочку от вынужденного погружения в бездну мрака, человеческой жестокости и всяческих, все тоже человеческих нехорошестей.

Но сколь ни оттягивай время словесными экзерсисами, от необходимости представить персонажей нашей истории не отвертеться. Засим предложу описание двух из них, один из которых претендует в нашем повествовании на роль главного героя, позволю себе лишь вольность пока умолчать о том который.

А поскольку девушек принято завсегда пропускать вперед, пожалуй, и начнем с нее, черноволосой, коротко стриженной москвички. И тут надо отдать должное ее не то что бы красоте, а скорее некоему наследственному гену, что сыграл достаточно умильную и добрую шутку, позволив девушке, выглядящей года на двадцать четыре, не далее как три месяца назад отметить тридцать первый свой день рождения.

В силу пребывания столь удивительной и своенравной красавицы, обладающей очень узкой талией при столь женских объемных бедрах, в совершенно голом виде, автор волей или неволей должен коснуться ее груди и остальных интимных, так сказать, зон. Не то чтобы коснуться в прямом смысле слова, а исключительно в описательно-литературном, для полноты представляемого образа. Так вот, грудь ее, размера четвертого, столь упругая и совершенно сладостно торчащая, с такими яркими, темно-манящими сосками (в силу авторских возможностей смею заверить что ни капли силикона и иных инородных субстанций в ней не содержится), вызывала заслуженную зависть окружающих товарок по пляжу, внимание и искренний интерес пусть редких, но все же присутствующих по пляжу товарищей и, конечно же, совершенно оправданную гордость самой обладательницы этого сокровища. В довершение описания сей женской красоты отмечу, что интимная стрижка, которую, не стыдясь, демонстрировала наша дива, была нарочито загадочной и интригующей.

Согласитесь, что странным было бы, коли такая замечательная и привлекательная девушка, отдыхающая в не менее замечательный солнечный воскресный день, оказалась бы на пляже совершенно одна. И такого безобразия не случилось. Рядом с ее манящим и по-зимнему загорелым в солярии телом, откровенно возлежащим на огромном махровом, вызывающе красном полотенце на песочке недалеко от воды, на не менее махровом полотенце расположился юноша, по виду очень достойный такой женщины. Высокий, статный, загорелый да так, как в солярии и не загорись, очевидно, ежедневно утруждающий себя в спортзале и в силу этого обладающий столь развитыми формами, что весь обнаженно-женский коллектив пляжа нет-нет да и поглядывал на этого богоподобного красавца с благоговением, восхищением, трепетом и желанием. И сии желание и трепет, отмечу, были очень даже обоснованными, ибо главное мужское достоинство этого юноши казалось столь развитым и великим, что неприкрытое и методично раскачивающееся во время его регулярных променадов по пляжу, приковывало взгляды абсолютно всех отдыхающих, независимо от пола и возраста. И если с девушкой, каковую, кстати, зовут Ольгой, приключилась аномалия, снизившая ее видимый возраст лет на пять или семь, то с Павлом, как звали упомянутого юношу, подобная аномалия случилась с точностью до наоборот. При его задокументированных двадцати двух годах выглядел он лет на

пять старше. Потому ни у кого, из обративших внимание на столь замечательную пару, даже не возникло сомнения, что милующиеся голубки не погодки и девять лет, разделяющие Ольгу и Павла, так и остались неузнанным секретом, причем далеко не единственным. Тайны буквально пропитывали взаимоотношения молодых людей, казавшихся не только знающими друг друга сто тыщ миллионов лет, но и переживающими настоящие любовные чувства.

И то и другое оказывалось, мягко говоря, не совсем правдой. Ольга познакомилась с Павлом лишь две недели назад, в один из выходных дней, когда с подружкой Оксаной отдыхала поздно вечером в стрипклубе, не самом популярном, не самом дорогом и тем не менее очень горячем и заводном. И немалую роль в эдакой жгущей особенности столь затрапезного заведения, к слову сказать, играл как раз Павел, вытворяющий на крошечной сцене и в зале меж столиков такие фортели, что посетительницы визжали, задыхались от нехватки воздуха, но продолжали визжать и осыпать роскошного, услаждающего их парня деньгами без счета. Торкнуло что-то в груди (или не груди) и у Ольги. Она почувствовала, как вся ее женская нетрезвая сущность хочет обладать столь редкостным и столь желанным всеми конкурентками бриллиантом. Начеркав на салфетке номер своего телефона, она, уверенная в себе, как тигрица, вложила бумажку в огромную горячую ладонь парня, скачущего на коленях ее подруги, восседающей рядом на соседнем стуле, дополнив свой жест словами: «Позвони мне» – и столь характерным взглядом, что сомнений быть не могло: никуда оно, это тело, не денется.

Ее финансово аналитический, прагматичный мозг в очередной раз не просчитался, и часа через полтора раздался звонок, а еще минут через сорок Паша ублажал Ольгу самыми чувственными, но достаточно жесткими (как ей нравилось) ублажениями, огромную часть которых он уже постиг, несмотря на свой столь юный возраст. С той поры так и пошло, днем они занимались своими делами: Ольга колдовала над финансами небольшой, но очень прибыльной компании, выстраивая схемы и направляя денежные потоки, а Павел в перерывах между спортзалом, танцполом и дорогостоящими заведениями общепита успевал развеивать тоску, одиночество и не востребованность отдельных женщин, да что греха таить, и мужчин. А поздно ночью их единила страсть, необузданность и филигранное мастерство Павла. Справедливости ради нужно отметить, что это самое мастерство не только отличалось утонченностью, разнообразием, предугадыванием потребностей Ольги, но и хорошо оплачивалось с ее стороны.

Поспешу сделать некое отступление, ибо у моего дорогого читателя может сложиться неверное впечатление о Павле как об испорченном, развратном, глубоко корыстном молодом человеке. Такое представление не есть правильное, о чем, возможно, впоследствии я не премину сообщить, а посему прошу поверить мне на слово и не сильно осуждать парня, чьи способности проявились таким неоднозначным способом.

Теперь, когда герои сии нам знакомы, поспешим вернуться на оставленный нами столь замечательный песчаный пляж, где мудрая природа, вероятно, проявила всю свою предусмотрительность, оградив его, этот самый пляж, с трех сторон высокими, крайне пушистыми березками, раскидистыми ивами и бесчисленными густыми кустарниками, разросшимися среди деревьев, тем самым как бы постаравшись сокрыть неоднократно упомянутых мной нудистов от посторонних любопытных, а иногда осуждающих взглядов других отдыхающих, что в силу своей любви к праздному безделью поджаривались на окрестных многочисленных пляжах.

Две официально протоптанные тропинки и куча еле приметных убежали с пляжа в заросли и там либо устремлялись к грунтовой дороге, что метрах в двухстах огибала сей островок блаженства, либо просто терялись среди деревьев, образуя укромные местечки, где утомленные жарой отдыхающие могли не только передохнуть в теничке, но и удовлетворить другие свои желания, возникающие ввиду вынужденного созерцания обнаженных натур.

А раз уж разговор вновь зашел об обнаженности, позволь предложить тебе, мой дорогой читатель, узреть в твоих самых восхитительных фантазиях, как по одной из тропинок на берег Москвы-реки, выходит невысокая, хрупкая, столь трепетная и невероятно воздушная чаров-

ница лет двадцати – двадцати двух, не старше, по тутошним традициям совершенно обнаженная и окутанная в подобие облака: густые, невесомые, длинные, цветом этого майского солнца – волосы. Да, мой требовательный читатель, я не стану томить тебя в нетерпении и сразу же коснусь самого сокровенного: небольшая грудь этой юной восхитительной девушки казалась столь невозможно-совершенной формы, к тому же в лучах жаждущего солнца она выглядела такой белоснежной, что лишь один Микеланджело и только из лучшего каррарского мрамора мог изваять подобный шедевр. Но темнеющие, налившись сосочки напрочь разрушают мою идею про мрамор и волшебство Микеланджело; все было трепетно живым: белоснежный плоский живот, темнеющая курчавость внизу живота, небольшая, но соблазнительная попочка, прикрытая вьющимися золотом волосами.

И вот сие чудо буквально выпорхнуло из-за березок, держа в одной руке кажущуюся огромной разноцветную пляжную сумку, а другой прижимая к обнаженному боку огромный пучок свежесорванных трав и полевых цветов.

Герои наши, Ольга и Павел, конечно же, не могли не отметить, хотя и с разным чувством, непонятного пучка травы, вьющихся, как дымка, волос и других привлекательностей сей юной особы.

А девушка, да простит меня читатель за то, что скрываю ее восхитительное имя, улыбнулась нашим друзьям и, приветливо кивнув, начала расстилать в нескольких шагах от них полотенце, большое, изумрудно-зеленое, в ярких божьих коровках, положив на песок свою необычную, цветом под полотенце травяную ношу.

Я был бы не совсем точен, дорогой мой читатель, если бы не упомянул, что дева сия пришла не одна, ибо вместе с нею на разомлевший от солнышка пляж ворвался игривый и моментами очень бойкий ветерок. Возможно, после таковых моих слов удивится читатель и решит, что автор строк сих несколько неадекватен, привлекая в качестве персонажа истории каприз природы, движение масс воздушных. А я в ответ обращу лишь твое внимание, дорогой мой читатель, что этот каприз природы сыграет в истории нашей немалую роль, и появился он на пляже аккурат с приходом златокудрой дивы, возможно, с ее уходом и он уйдет, но то пусть загадкой останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.